

Оно лишь продолжало:

— Цзяньюань обрушился как-то странно.

Он сказал:

— Кажется, недавно сюда кто-то проник.

У Дао Гуйчжоу дёрнулось веко, он почуял неладное:

— Кто проник?

— Не знаю. — Похоже, оно было не слишком умным. — Но этот человек — не из добрых.

Дао Гуйчжоу:

— ...

Он хотел что-то сказать, но промолчал, потом снова хотел, но снова сдержался. Однако, как показала практика, всякое его терпение и колебания были напрасны — этот рот всё равно выпалил то, что должен был:

— Ты... знаешь штуку под названием Система?

□?□

Дао Гуйчжоу глубоко вздохнул:

— Я сейчас очень сильно подозреваю, что вы двое — из одного гнезда.

□? Я похож на неё настолько тупым? Таким уродливым? Таким дебильным?□

Дао Гуйчжоу: Будь увереннее, убери вопросительный знак.

□...Теперь я понимаю, почему говорили, что нам с тобой суждено одному умереть.□

Дао Гуйчжоу: Я рад, что ты понял это с опозданием.

— Цзяньюань скоро рухнет, — промолвило оно.

Дао Гуйчжоу:

— ...? Он уже рухнул, друг.

Оно лишь снова и снова бормотало: «Цзяньюань скоро рухнет», больше не обращая внимания на Дао Гуйчжоу.

Голос у него был какой-то призрачный, и в этом туннеле с бесконечным эхом оно непрерывно твердило одно и то же. Даже такого мастера, как Дао Гуйчжоу, который был уверен, что сможет голыми руками поймать привидение, пробрала дрожь.

Нельзя ли как-нибудь выключить этот заезженный повтор?

Сексуальный Чжоучжоу ждёт онлайн, срочно.

Видя, что выражение лица Дао Гуйчжоу стало неопишным, Цзы Мин медленно поднял другую руку. Едва она коснулась мешочка Цянькунь, как Дао Гуйчжоу, не оборачиваясь, сказал:

— Ты не двигайся.

Он сказал:

— Оно такое, что, и ты с ним драться собрался? Малыш, мы не можем просто спокойно и разумно поговорить?

Цзы Мин послушно убрал руку, невинно склонив голову и хлопая глазами.

Дао Гуйчжоу с беспомощной улыбкой посмотрел на него, затем снова перевёл взгляд на то, что всё ещё бормотало, и хотел было что-то сказать, как вдруг в его голове мгновенно всплыли предыдущие слова.

Он задумчиво уставился на этот чёрный сгусток:

— Ты не с Горы Линшань?

— ...Это настоятель Шиюнь поместил меня сюда, — спустя долгое мгновение рассеянности тихо ответило оно. — Он велел мне охранять это место.

Ага.

И охранял до обрушения.

Дао Гуйчжоу потрогал свою щеку и подумал про себя, какие же тёмные делишки связывают Гору Луюнь и Гору Линшань.

В уставе Горы Линшань чётко прописано: ученикам этого ордена запрещено практиковать техники и мечи других школ.

Мечникам этого ордена запрещено практиковать пути других даосов, конфуцианцев, буддистов и так далее.

Гора Линшань — самый нетерпимый к чужакам орден во всей книге.

Но после того, как он попал в этот мир, он обнаружил, что отношения между Горой Линшань и Горой Луюнь на самом деле очень тонкие.

В Великом защитном массиве Горы Линшань чувствуется влияние Горы Луюнь, а массив, поддерживающий на Горе Линшань вечную весну, был установлен с Горы Луюнь.

Даже проблемы, которые не могли решить в зоне ответственности Горы Луюнь, Гора Линшань брала на себя целиком.

И при этом Гора Линшань говорила своим ученикам: вы не можете практиковать другие пути, особенно даосский.

Это...

Дао Гуйчжоу просек фишку (?)

— Значит, ты последовал за нами, чтобы рассказать нам всю эту бессвязицу?

Дао Гуйчжоу терпеливо спросил:

— Если у тебя больше нет дел, мы пойдём искать моего старшего брата-ученика.

— ...Я жду вас, — сказала оно.

Дао Гуйчжоу:

— Чего? Какого чёрта?

Оно тоже на мгновение растерялось:

— ...Я не знаю.

Дао Гуйчжоу: ...

Эта штука и впрямь не создана ли Системой, чтобы мучить его?

□...Эй, я ещё здесь.□

— Младший дядя-наставник.

Цзы Мин сжал его руку:

— Будем ещё тянуть?

Дао Гуйчжоу на мгновение заколебался, снова взглянув на него.

Он не мог сказать, что именно чувствовал, просто ему казалось...

Что-то знакомое.

Видя, что оно ничего не говорит, Дао Гуйчжоу сказал:

— Пошли. Сначала найдём твоего дядю-наставника И Цина, а потом я расскажу старшему брату-ученику.

Цзы Мин кивнул и, потянув Дао Гуйчжоу, пошёл дальше. Оно не стало их задерживать, ничего не сказало и больше не последовало за ними.

Дао Гуйчжоу сделал несколько шагов вперёд, обернулся и увидел, как чёрная тень мгновенно рассеялась.

Может, у него просто помутилось в глазах, но в этом тёмном туннеле он вдруг увидел очертания.

Очертания листа платана.

Дао Гуйчжоу медленно моргнул.

И видение снова исчезло.

Наверное, это из-за того, что упомянули Гору Луюнь, у него возникла такая иллюзия.

В конце концов, самый знаменитый бой главы обители Горы Луюнь, настоятеля Шиюня, был, когда он использовал листья платана как талисманную бумагу, а свою кровь — как тушь, сражаясь с королём демонов.

Дао Гуйчжоу перестал думать об этой странности и посмотрел на Цзы Мина.

Малыш, кажется, после того, как они вышли, стал каким-то тихим?

Неужели...?

Дао Гуйчжоу задумчиво хмыкнул.

□□□□□□□□□□□□□□□□

Милый.

Его взгляд упал на костистые пальцы Цзы Мина, и он вдруг спросил:

— Цзы Мин, ты меня обманул?

Цзы Мин слегка замер, опустив ресницы, чтобы скрыть выражение своих глаз.

Он тихо усмехнулся:

— Младший дядя-наставник считает, что я тебя обманул?

— Ты ведь всего лишь на Пятом уровне Очищения Ци, — со вздохом произнёс Дао Гуйчжоу. — Ты ранен?

Цзы Мин удивлённо приподнял бровь, остановился, повернулся к Дао Гуйчжоу, но руки его не разжал. С ноткой беспомощности в голосе он сказал:

— Всего лишь небольшая царапина.

Дао Гуйчжоу нахмурился:

— Ты, ребёнок, почему ты...

Он хотел было прочитать нотацию, но ему стало жалко, и он только спросил:

— Дай-ка я посмотрю, куда ты ранен.

На губах Цзы Мина играла ленивая, небрежная улыбка. Он тихо спросил:

— Ты уверен?

Дао Гуйчжоу:

— ...? А что тут такого, уверен или нет?

Тогда Цзы Мин медленно поднял руку и развязал свой пояс. Когда его одежда распахнулась, Дао Гуйчжоу инстинктивно отвернулся, вызвав у Цзы Мина новый приступ сдавленного смеха.

Дао Гуйчжоу ясно расслышал, как Цзы Мин пробормотал:

— Младший дядя-наставник, так поступать — немного не по правилам.

Дао Гуйчжоу:

— ...

Кто это сделал!?

Он — стопроцентный натурал, где это видано!?

Слишком твёрдый, слишком прямой, да?!

□Так ты тоже знаешь.□

Дао Гуйчжоу: Это не тебе говорить.

Он кашлянул:

— Оденся.

С серьёзным и непреклонным видом Дао Гуйчжоу сказал:

— Раз у тебя ещё есть силы надо мной подшучивать, значит, рана несерьёзная. Когда выберемся, я наложу на тебя исцеляющее заклинание.

Глядя на его нарочито праведный вид, глаза Цзы Мина потемнели, но он всё равно ничего не сделал, лишь спокойно затянул пояс обратно:

— Хорошо.

Они снова молча пошли вперёд. Дао Гуйчжоу прикусил губу и другой рукой машинально потянулся к нефритовой подвеске на поясе. В конце концов он не выдержал и спросил:

— Больно?

— Терпимо, — тихо ответил Цзы Мин. — Внутренне — терпимо, только вот уголок губы задел, немного болит.

Дао Гуйчжоу медленно вывел вопросительный знак.

Ты что, во время драки губу прикусил?

Кого он обманывает?!

Он решил, что малец снова его дразнит, и твёрдо решил больше не обращать на него внимания, но всё же спросил:

— Тогда... мне подуть?

Дао Гуйчжоу осторожно произнёс:

— Подуть — и боль улетит~

□...Немного противно.□

Дао Гуйчжоу: Пошёл нафиг, понял?

□Ему шестнадцать, а не шесть.□

Дао Гуйчжоу: В моём сердце он навсегда трёхлетний ребёнок. Ты просто завидуешь, что у меня есть детёныш, а у тебя нет.

□...Почему ты не спросишь?□

Дао Гуйчжоу:?

□Мне не нужно много говорить, ты и сам подозреваешь, верно? Разве не тяжело держать это в себе?□

Дао Гуйчжоу больше не ответил Системе, а при слабом свете попытался разглядеть очертания стоящего перед ним юноши.

Цзы Мин действительно был самым совершенным человеком, которого он когда-либо видел.

На вид — мягкий и воспитанный характер.

Изысканная внешность, в которой невозможно найти ни единого изъяна.

Даже фигура была эталонной: одетый — стройный, раздетый — мускулистый.

Но он был не таким, каким Дао Гуйчжоу его себе представлял, не таким, каким он был описан в начале книги.

Подозрение на самом деле поселилось в сердце Дао Гуйчжоу уже давно.

Он не глуп.

Просто ему это нравилось.

Он верил, что этот юноша, который всегда невольно проявлял к нему чрезмерную защиту, не причинит ему вреда.

Даже если причинит...

Дао Гуйчжоу закрыл глаза.

Мысленно выругался.

Он подумал про себя, что он тоже мазохист.

Если в конце концов Цзы Мин всё равно вонзит ему «Осколок Звёзд» в грудь, он, скорее всего, даже не станет сопротивляться.

Так же, как в бесчисленных кошмарах, которые показывала ему Система, когда он попал в этот мир, он ни разу не оказал сопротивления.

Тогда он ещё удивлялся, почему сны такие ненастоящие, и не была ли Система бесполезным хламом. Но когда настоящий человек предстал перед ним, Дао Гуйчжоу слушал, как он растягивает слова, называя его «младший дядя-наставник», слушал его небрежные поддразнивания, слушал его невидимые проверки, смотрел, как он улыбается ему...

Дао Гуйчжоу поднёс руку к своей груди.

Ему казалось, что здесь, внутри, что-то ожило.

Но он не мог понять, почему.

Потому что у него никогда не было такого чувства.

Поэтому итогом его мучительных раздумий стало:

Тронуты небеса! Тронута земля! Эта трогательная вселенская отцовско-сыновняя любовь!

Отцовско-сыновняя любовь! Самое великое чувство во всей вселенной!

Он любит детёныша!

Детёныш любит его!

Идеально! Классно!

□...Ты больной?□

Дао Гуйчжоу: Ты болен.

□?□

Цзы Мин приблизился к Дао Гуйчжоу. В тот момент, когда он почувствовал его тёплое дыхание, Дао Гуйчжоу инстинктивно сделал шаг назад, но Цзы Мин схватил его за руку.

Цзы Мин взял его руку и своим указательным пальцем слегка нажал на уголок своих губ.

Это было очень лёгкое движение, но у Цзы Мина перекатился кадык, и даже в душе Дао Гуйчжоу возникло какое-то странное ощущение.

Цзы Мин тихо сказал:

— Младший дядя-наставник, вот здесь.

Дао Гуйчжоу с бесстрастным лицом:

— ...

Ты серьёзно хочешь, чтобы я тебе подул?

Он и не думал, что после того, как он пошутил, придётся нести ответственность за последствия.

Неужели это и есть то, что Система называет «колесо сансары Небесного Пути, воздаяние не минует»?

Сознавая, что он сам злодей, Дао Гуйчжоу молча вздохнул.

Когда они были так близко, Дао Гуйчжоу смог разглядеть лицо Цзы Мина отчётливее.

Хотя его всё ещё окутывала смутная тень, эти чёрные глаза стали самым ярким пятном в этой тьме.

Дао Гуйчжоу искренне любил глаза детёныша.

Очень красивые, необыкновенно красивые.

Настолько красивые, что он не мог подобрать слов, чтобы описать.

Но сейчас эти глаза пристально впились в него, отчего у него по коже побежали мурашки.

Дао Гуйчжоу глубоко вздохнул, убеждая себя, что это всего лишь подуть на ранку, ничего страшного.

К тому же, что может случиться между двумя мужчинами? Ничего.

Хотя расстояние и правда было маловато, но это же не поцелуй.

Сделав себе психологический настрой, Дао Гуйчжоу без каких-либо душевных терзаний пошевелил губами и легонько дунул.

Закончив, он не забыл спросить:

— Ещё болит?

Цзы Мин опустил глаза, голос его был слегка хриловат:

— Мм.

Дао Гуйчжоу замер.

Голос у детёныша... какой-то не такой.

Он прикинул: это... ему так больно, что он плакать собрался?

Чжоучжоу задумался.jpg

Вот сейчас он подумал: детёнышу ведь всего шестнадцать лет, обычный подросток. Когда ему самому было шестнадцать...

Ладно, он не помнил.

Но всё же, шестнадцатилетнему парню свойственно чувствовать обиду и грусть, нормально, когда больно — чувствовать боль.

Просто происхождение детёныша не позволяло ему показывать это на лице, поэтому он всё время терпел.

Подумав об этом, Дао Гуйчжоу стало ещё больше жаль его.

В его душе всплыла рожица маленького человечка, изображающая обиду, и он мысленно обругал грязного автора, а затем поднял другую руку и положил её на голову Цзы Мина.

Дао Гуйчжоу легонько погладил его по голове:

— Если всё ещё болит, давай сначала отдохнём. И Цин пусть идёт куда хочет, он всё равно не угробит себя до смерти. Дай-ка я взгляну на твои раны... Обещаю, что не буду уворачиваться.

Слушая его успокаивающий, как у ребёнка, тон, Цзы Мин вдруг резко схватил его за запястье.

Его глаза, скрытые в тени, были тяжёлыми и холодными, но голос звучал очень мягко:

— Младший дядя-наставник, я уже в порядке.

Он привык обманывать его смеющимся голосом:

— Один раз подул — и правда полегчало.

Дао Гуйчжоу, никогда не пробовавший этот метод, удивлённо моргнул.

Оказывается, эта штука и правда так хорошо работает?

Раньше он, когда видел, как маленькие дети просят поцеловать, обнять, подуть, думал, что это просто капризы.

Тогда, может, в следующий раз, когда детёныш поранится, попробовать поцеловать и обнять...?

А, тьфу!

В следующий раз детёныш не поранится!

□...Приглашаем на сольное выступление Дао Гуйчжоу в жанре «Сяншэн».□

Дао Гуйчжоу: Заткнись, а? Выключись, будь добр?!

Цзы Мин отпустил другую руку Дао Гуйчжоу. Тот бессознательно пошевелил запястьем — было немного больно.

Цзы Мин развернулся и повёл его дальше:

— Младший дядя-наставник, помнишь, куда упали дядя-наставник И Цин и остальные?

Дао Гуйчжоу огляделся по сторонам и честно признался:

— Честно говоря, я сейчас не очень хорошо различаю, где север, а где юг.

Кстати...

Почему они раньше не спросили у духа массива?

Чжоучжоу задумчиво молчал.jpg

Цзы Мин, кажется, усмехнулся:

— А те, что снаружи?

— ...Кажется, они были довольно близко к Цзяньюаню, — прикинул Дао Гуйчжоу. — С левой стороны от Цзяньюаня?

Цзы Мин слегка кивнул и, ведя Дао Гуйчжоу, свернул в проход, ведущий в пещеру.

Только тогда Дао Гуйчжоу заметил, что перед ними было семь или восемь пещер, и Цзы Мин, лишь услышав от него одно слово, смог определить, куда идти.

Люди — это одно, а боги — совсем другое.

Дао Гуйчжоу подумал, что хорошо, что это его детёныш, а не чужой. Будь он чужим, таким способным в таком юном возрасте...

Он, возможно, подстроил бы так, чтобы тот погиб в середине пути, лишь бы не мешал его детёнышу стать богом.

Чжоучжоу злобно усмехается.jpg

Видя, что Цзы Мин больше не заговаривает первым, Дао Гуйчжоу, которому была в тягость эта тишина, подумал и заговорил:

— Кстати, ты знаешь Сян Чжи из Академии Сунцан? Он поступил одновременно со мной и И Циню. Говорят, в этом году он уже на Шестом уровне Очищения Ци. Брат-ученик И Цин в последнее время усердно тренируется, чтобы не проиграть ему на предстоящем обмене опытом.

Он помолчал:

— В прошлый раз, когда приезжала Академия Сунцан, брат-ученик И Цин проиграл ему.

Цзы Мин равнодушно хмыкнул в ответ, но в душе у него уже зародилось глухое раздражение.

А этот Дао Гуйчжоу, знай себе, мастер наступать на грабли. Решив, что Цзы Мин просто не знает об этом и потому не может поддержать разговор, он, словно желая себе смерти, добавил:

— Я обязательно пойду посмотрю, как брат-ученик И Цин проигрывает! А потом, когда он начнёт смеяться надо мной, что я нисколько не прогрессирувал, я смогу его этим уколоть!

Едва он договорил, как рука Цзы Мина, сжимавшая его ладонь, резко сжалась, и с такой силой, что у Дао Гуйчжоу дёрнулось веко.

В душе у него возникло нехорошее предчувствие, и в следующее мгновение тень Цзы Мина накрыла его. Знакомый запах, смешанный с незнакомым доселе чувством давления, мало-помалу вторгся в его пространство.

Словно что-то хотело раздавить его и втереть в самую суть.

Дао Гуйчжоу инстинктивно попытался отступить, чтобы уйти от этой опасности, но Цзы Мин прижал его на месте.

Он услышал, как Цзы Мин чеканит каждое слово:

— Я тоже буду обмениваться опытом с людьми из Академии Сунцан.

Дао Гуйчжоу слегка опешил.

Рука Цзы Мина, сам не зная когда, оказалась у его щеки, бережно обхватив его лицо ладонями.

Голос его был очень тихим, без особых эмоций, но Дао Гуйчжоу почудились в нём нотки обиды и жалости:

— У дяди-наставника И Цина есть ещё дядя-наставник Юэ Цин, а у меня есть только ты. Младший дядя-наставник, смотри только на меня, хорошо?

<http://bllate.org/book/19500/1912551>